

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091) +140.8

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-102-109

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА Л.Н. ТОЛСТОГО

Батурина И.В.

Московский технологический институт

117292, Москва, ул. Кедрова, д. 8, корп. 2

Аннотация. Предметом исследования данной статьи является проблема творчества в наследии писателя и философа Л.Н. Толстого, определившего суть, цели и задачи своей философии творчества словами: «как человеку самому быть лучше и как ему жить лучше». Ответ на этот центральный вопрос, по Толстому, принципиально не способны дать ни естественные (опытные), ни социально-гуманитарные науки в силу их предметной раздробленности, секуляризма. Ближе к основным проблемам бытия и человека, по Толстому, подходит религия, однако она полностью обращена в потусторонний мир, сводя всю активность на земле к подготовке к нему.

Ключевые слова: философия творчества, смысл жизни, натурализм, позитивизм, естественные (опытные) науки, социально-гуманитарные науки, секуляризм, универсальная целостность, вера, религия, церковная трактовка веры.

LEO TOLSTOY'S PHILOSOPHY OF CREATIVITY

I. Baturina

Moscow Technological Institute

8 Kedrova Street, bldg. 2, 117292, Moscow, Russian Federation

Abstract. The research subject of this article is the problem of creativity of the writer and philosopher L.N. Tolstoy, who defines the essence, goals and objectives of his philosophy by the words: «how for the man himself to become better and how to live better.» Neither sciences no humanities could respond to this question according to Tolstoy, as they are disintegrated and secular. Religion is closer to the solution of the basic problems of human existence, but it is completely oriented to the extra-mundane, restricting all human activity to preparations for it, i.e. to absolute obedience and adherence to the tenets. All this is equally unacceptable for Tolstoy.

© Батурина И.В., 2016.

Key words: philosophy of creativity, the sense of life, naturalism, positivism, natural (experimental) science, humanities and social sciences, secularism, universal integrity, faith, religion, ecclesiastical treatment of faith.

Лев Николаевич Толстой – великий русский писатель и мыслитель, вся жизнь которого была окрашена непрекращающимися духовно-этическими исканиями и одновременно глубочайшей внутренней драмой художника, в результате философских исканий не принимающего собственного творчества (судьба Л.Н. Толстого в этом плане перекликается с личностной драмой Н.В. Гоголя). Собственно философские работы Толстого относятся к позднему периоду его творчества; основные среди них – «Исповедь», трактат «О жизни», «В чём моя вера?», «Царство Божие внутри вас», «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырёх Евангелий». Литературное же творчество великого писателя разворачивалось от ранних повестей «Детство», «Отрочество», «Юность», «Севастопольские рассказы» до значительных и бессмертных в русской литературе произведений: романа-эпопеи «Война и мир», «Анна Каренина», идеологизированного и эстетически уже во многом искусственного «Воскресения» и др.

Философская концепция Толстого отличается не столько своей сложностью, сколько удивительным биением живой совести, которым проникнута буквально каждая авторская строка. Философия творчества Толстого, которая, по сути, носит отрицательный, а точнее – антиэстетический – характер, тоже такой стала в результате жёстких этических построений [3]. В «Дневниках» и в «Исповеди» Толстой неоднократно признавался, что поиск

смысла жизни не оставлял его с самых ранних лет; по сути, центральное место он занял с того времени, когда в 1847 г. Толстой оставляет университет и принимает решение заниматься самообразованием (не отделённым от нравственного самовоспитания), а также судьбой принадлежавших ему, как дворянину, крестьян. Толстой уже с юности понимает, что знание существует как некий натурализм и позитивизм и решает множество насущных задач, кроме единственной и самой главной: оно не отвечает на вопрос, зачем человек живёт и каков смысл его жизни. «Наука и философия трактуют о чём хотите, но только не о том, как человеку самому быть лучше и как ему жить лучше<...> Современная наука обладает массой знаний, нам не нужных<...>, но на вопрос о смысле жизни она не может ничего сказать и даже считает этот вопрос не входящим в её компетенцию» (цит. по: [2, с. 384]).

Прежде всего следует отметить, что здесь фактически Толстой определяет главные цели и задачи своей философии творчества; в образной форме они передаются словами «как человеку самому быть лучше и как ему жить лучше». Этот важный ориентир философии творчества задаёт Толстому всю последующую его активность в оценке имеющегося и должного. Так, например, Толстой подчёркивает всегдашнюю и не случайную, глубинную разделённость естественных и социально-гуманитарных наук: естественные науки обращены только к опытной практике человечества и не задаются

вопросом о конечной причине и смысле всего; социально-гуманитарные науки таким вопросом вроде бы задаются, но лишь для того, чтобы признать непостижимость бесконечного и непомерного по своей удалённости от личных и жизненных вопросов каждого человека. «Опытная наука тогда только даёт положительное знание и являет величие человеческого ума, когда она не вводит в свои исследования конечной причины. И наоборот, умозрительная наука – тогда только наука и являет величие человеческого ума, когда она устраняет совершенно вопросы о последовательности причинных явлений и рассматривает человека только по отношению к конечной причине. Такова в этой области наука, составляющая полюс этой полусферы, – метафизика, или умозрительная философия» [6, с. 99].

Углубляясь в различные области знания, Толстой пришёл к мысли, что все они фактически существуют отдельно от живых вопрошаний человеческой души, а он почти бессознательно искал некой сферы, которая соединяет абсолютное и относительное, личного живого человека и бесконечное первоначало. Это и было задачей художественных исканий писателя, а впоследствии выросло уже в назидательную философию творчества. С юности Толстой приходит к мысли, что нет и не должно быть науки, отделённой от этики, знания, отделённого от жизни, то есть глубоко ущербного рационализма, как бы со стороны диктующего свои постулаты. Изначально Толстой был обращён к поиску некой универсальной целостности, и этот поиск имел, по сути, мистический и религиозный характер, но, отвергая

рационализм, Толстой искал целостности тоже рационально-этическим путём, и в этом были истоки его внутреннего разлада и величайшей драмы, что очень глубоко и тонко подметил в «Истории русской философии» В.В. Зеньковский: «Толстой, конечно, был *религиозным* человеком в своих моральных исканиях – он жаждал *безусловного*, а не условного, абсолютного, а не относительного добра<...> Без такого «вечного добра» жизнь становилась для него лишённой смысла...» [2, с. 379]. Сам Толстой в «Исповеди» признавался, что все его рациональные искания смысла жизни приводили к некоему, тоже разумному, тождеству, что ноль есть ноль, а А есть А. «Я понимал, что все наши рассуждения вертятся в заколдованном круге, как колесо, не цепляющееся за шестерни. Сколько и как бы хорошо мы ни рассуждали, мы не можем получить ответа на вопрос, и всегда будет 0 равен 0, и потому путь наш, вероятно, ошибочен» [6, с. 117].

Для своей философии и своего творчества, таким образом, Толстой не находит ответов в науках. От рационализма и логики со своей концепцией поиска абсолютного и целостного, увидев принципиальный секуляризм наук, Толстой обращается теперь к религии, чисто методологически понимая, что она может дать ответы на вопросы, изначально и искусственно исключённые из человеческого научного знания. «Я начинал понимать, что в ответах, даваемых верою, хранится глубочайшая мудрость человечества, и что я не имел права отрицать их на основании разума, и что, главное, ответы эти одни отвечают на вопрос жизни» [7, с. 67]. Но обращение Толстого к

религии было очень специфическим, самобытным и, по сути, трагическим. Изначально он принял веру как мудрость народную, как мощь множества поколений, живших до него и подвигом самой жизни отвечавших на самые мучительные её вопросы. В «Исповеди» Толстой с удивительной откровенностью духовно ищущего человека говорит о том, что истина жизни неотделима от неё самой, и он не мог постичь эту истину, так как *просто-напросто жил дурно*. По сути, он признаётся, что Бог есть жизнь и открывается Он человеку лишь во внутреннем опыте совершения добра и праведной устремлённости к добру. «Живи, отыскивая бога, и тогда не будет жизни без бога». И сильнее чем когда-нибудь всё осветилось во мне и вокруг меня, и свет этот уже не покидал меня. И я спасся от самоубийства» [6, с. 125].

Следует отметить, что именно к этому духовному периоду нахождения веры в себе, правда понятой как сила самой жизни, относится и работа Толстого над романом-эпопеей «Война и мир». Неслучайно «мир» Толстой писал как «*мір*» (в старинной орфографии), что означало вселенную, всех людей, жизнь, такую, какова она есть. Отсюда и сам роман богат не столько внешне-историческими хрониками, сколько духовной биографией главных героев, которые изменяются, мучительно преодолевают внешние обстоятельства и самих себя, и только в этом преодолении остаются верными сами себе, своему нравственно-духовному пониманию смысла жизни. Любопытно, что практически неизменными остаются у Толстого только отрицательные герои: Элен Безухова, княгиня Лиза Болконская, Борис Берг и, кстати,

сам Наполеон – холодный, всегда довольный собой. Для нашего исследования важно, как Толстой в этот период выражает и своё понимание смысла человеческой жизни. В этот период Толстой его видит не столько в ней самой, сколько именно в чувстве нахождения высшего её смысла, который и озаряет саму жизнь и в высшей мере раскрывается в творческом отношении к жизни: «... ведь я не живу, когда теряю веру в существование бога, ведь я бы уж давно убил себя, если б у меня не было смутной надежды найти его. Ведь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его» [6, с. 125]. Таким образом, Толстой приходит к вере, своеобразной, глубоко антропоцентрической, исходящей из его внутреннего настроя и мировоззрения [1, с. 19–22, с. 23–27]; в свете такой веры он по-своему понимает, а, по сути, переинтерпретирует христианские истины и догматы, делая их элементами чисто этического учения, которое должно противостоять тому жизнеощущению, к которому Толстой пришёл, не находя в себе веры или отвергая её. По словам самого Толстого, это жизнеощущение блестяще выражено лучшими умами человечества – Сократом, Шопенгауэром, Соломоном, Буддой, и в сжатой форме его можно передать как интуицию того, что всё есть суэта сует и не стоит обманывать себя различными иллюзиями, – конец этой суете полагает только смерть.

Ужаснувшись безысходностью и разрушительностью таких логически стройных умозаключений, Толстой и создаёт свою особую – этическую – веру, конечную цель которой он видит как благо всех людей вовсе не на небесах, а на земле; для этого, по мысли

писателя, необходимо чёткое и очень строгое исполнение учения Христа, ибо он, по Толстому, был мудрейшим из людей. Более того, Толстой утверждал, что исполнение заповедей Христа всегда легко и радостно, так как они искореняют в человеке внутреннюю ущербность, вводящую его в страдания и грех. Мыслитель подробнейшим образом обращается к десяти заповедям Христа, которые обнажают главные греховные соблазны. Первым из них Толстой ставит гнев и вражду с ближними, затем блудную похоть, далее – соблазн клятвы, противление злу насилием, разделение народов на «свои» и «чужие» и др. Так, христианское учение, в трактовке Толстого, фактически обретает одну-единственную функцию – этическую: следуя этому учению, человек приобретает смысл жизни внутри себя самого и потому не разрушается; отвергая же его, он впадает в самообман, становится игралищем злых страстей, неизбежный и бессмысленный итог которых – только разрушение и смерть. При этом из христианства Толстой изгоняет самое главное – собственно религиозное начало, т.е. связь земного и небесного, и, соответственно, всю мистическую и догматическую его основу. Среди основных догматов православной веры, которые отвергал Толстой, – догмат о личном, живом Боге в трёх лицах, догмат о Богочеловечестве Христа, учение о спасении мира и воскресении Христа из мёртвых, догмат о непорочном зачатии и др. К отказу от мистического учения веры Толстой приходит совершенно осознанно, будучи убеждённым, что основная «ошибка» веры в её церковной трактовке состоит в подмене мира данного миром будущим

и признании изначального бессилия человека перед властью греха в собственной природе. По мысли Толстого, признание изначальной греховности и бессилия человека позволяет успокаиваться в невозможности выполнить основные заветы вероучения, а это успокоение навсегда отделяет мир сей, с людскими законами эгоизма, выгоды, жестокости, вражды, от мира небесного (*ежели, по ироническому замечанию мыслителя, он вообще есть*).

Таким образом, сводя христианство исключительно к ригоризму, Толстой уходит и от свободно-творческого жизнеощущения, от всегда ненасытимого поиска смысла и Абсолюта. Как ни странно, Толстой именно христианство с его мистической глубиной упрекает в торжестве зла и разрозненности на земле, поскольку оно якобы все упования человека переложило на волю Божию и как бы исключило человека из контура земной борьбы и ответственности за всё совершаемое. «Жизнь, какая есть здесь, на земле, со всеми её радостями, красотою, со всею борьбой разума против тьмы, – жизнь всех людей, живших до меня, вся моя жизнь с моей внутренней борьбой и победами разума есть жизнь не истинная, а жизнь павшая, безнадежно испорченная; жизнь же истинная, безгрешная – в вере, т.е. в воображении, т.е. в сумасшествии» [6, с. 109]. Примечательно, что, отвергая мистическое христианство, Толстой полностью принимает заповедь о непротивлении злу силой (от Христа не как от Бога, а как от человека!) и считает её вполне достижимой для людей их собственными возможностями, *ежели только они поймут, что разлад и вражда, царящие в мире, есть след-*

ствие людской слепоты и ограниченности. «Заповеди мира, данные Христом, простые, ясные, предвидящие все случаи раздора и предотвращающие его, открывают это Царство Бога на земле. Стало быть, Христос точно Мессия. Он исполнил обещанное. Мы только не исполняем того, чего вечно желали все люди, – того, о чём мы молились и молимся» [2, с. 382].

Таково этическое и философское учение Толстого, которое он уже чётко и очень последовательно формулирует в книге «В чём моя вера?». Эта книга во многом является мировоззренческим апофеозом Толстого, в период становления которого меняются и эстетические взгляды мыслителя, и его воззрение на задачи искусства и творчества. Свой новый взгляд он формулирует в позднем трактате «Что такое искусство?» (1897–1898 гг.). В этой работе Толстой уже очень резко разводит внешнюю, или телесную, красоту и душевные свойства человека; целью же искусства становится не описание и исследование прекрасных предметов, а передача внутренней жизни преимущественно добрых движений души человеческой. В трактате Толстой очень резко разводит добро и красоту и разводит мысль, что после истин, открытых Христом, смешно и поверхностно заниматься красивыми предметами. Мыслитель сам в себе пытается истреблять волнующие чувства, вызываемые красотой, особенно музыкальной, считая, что это соблазн и отвлечение от внутреннего, т.е. этического и волевого, – того, о чём, в понимании Толстого, учил Христос. В этот же период Толстой продолжает работу над романом «Воскресение», который он начал писать под влиянием новых своих фи-

лософских и эстетических воззрений в 1889 г., но работа продвигалась очень медленно и трудно. Более того, фактически Толстой сам не принимал того, что выходило из-под его пера. Его, например, не устаивало то, как у него идёт написание «Воскресения», что оно «ложно начато». В этом печальном выводе разворачивается драма Толстого как великого художника, в котором сталкиваются и противоречат друг другу мировоззренческие установки, с одной стороны, и эстетическое чутьё, с другой. По своему внутреннему содержанию и трагизму картина эта напоминает личную и религиозную драму Гоголя, и суть её – в конфликте целей и ценностей философии творчества с общим мировоззрением.

Итак, подводя итоги, следует сказать, что философию творчества Толстого нельзя рассматривать отдельно от его целостного миропонимания, и в этом плане он подлинный представитель традиции русской мысли и культуры [4, с. 3–20; 5]. По сути, вся жизнь и творчество Толстого были окрашены напряжённейшим поиском смысла в его Абсолютном значении; нельзя не замечать, что этот поиск фактически по масштабу и глубине был и максималистским, и религиозным. В достижении таких высоких целей Толстой не щадил и самого себя, нося внутри себя некое вечное самораспятие. Абсолютных ценностей и смысла он пытался достичь путями плоского и секулярного разума: следуя Христу всегда и во всём, не принимал его божественности; жажду мистической истины пытался удовлетворить на путях этических построений; будучи великим художником слова, отрицал искусство как таковое и эстетическую самоценность красоты;

не веруя в Царство Божие, искал вечной правды на земле. В связи с такими мучительными и дисгармоничными исканиями нельзя сказать, что у Толстого сложилась и развивалась последовательная концепция философии творчества. Поначалу он принимал мощь и могущество своего таланта, опирался на него, исследуя тайники душевной жизни людей. Но впоследствии, вновь во всём ища абсолютного, а не относительного, Толстой и в своём искусстве начал видеть ущербность, так как прекрасная литература может описывать явления недостойные или незначительные; возможность расхождения добра и красоты в слове, как и в любом искусстве вообще, поразила Толстого со всей свойственной ему глубиной и мощью, и это напряжение живой совести он направил на разрушение эстетического начала как такового, прежде всего в самом себе. Важно отметить, что Толстой никогда не мыслил творчество, а значит, и искусство, как эманацию инобытия, никогда не понимал красоту как духоносное воплощение горнего мира, а, наоборот, с жестокостью исследователя-рационалиста пытался подчер-

кнуть в красоте начало плоти, земли и формы (может быть, с этим также связано очень острое и дисгармоничное переживание темы эроса у Толстого). С одной стороны, взыскательное, а с другой – ограниченно-прямолинейное отношение к творчеству лишь обнажает изначальную внутреннюю драму Толстого, о которой говорилось выше: он искал Абсолюта, не веруя в него, искал цельного смысла секулярными путями. В силе развёртывания этой драмы и в понимании философии творчества Толстой остался верным самому себе: либо закон Христа, либо похотливо-изящное стремление к прекрасному, и никакой середины здесь, по Толстому, быть не может. Сам он принимает только закон Христа, отвергая в себе художника, и вновь начинает мучительный духовный поиск – в стремлении к гармонии и целостности, которую нигде не мог Толстой узреть на земле. Последнее, но не менее сильное такое его искание прерывается только смертью исполина земли русской, как называл его Горький и другие люди, знавшие мыслителя лично.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарева Я.В. Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 19–23.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2001. 880 с.
3. Песоцкий В.А. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2009. 403 с.
4. Семаева И.И. Энергия творчества как философская проблема // Гуманитарный вестник. 2009. № 12. С. 23–31.
5. Семаева И.И. Поиск идентичности: Русская религиозная философия XX века и её духовные основания: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 220 с.
6. Толстой Л.Н. Отпадение моё от веры (из книги «Исповедь») // Толстой Л.Н. Русский мир. М., 2012. С. 82–140.
7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 тт. М.: Художественная литература, 1928–1959. Серия первая: Произведения. Т. 23. 476 с.

REFERENCES:

1. Bondareva YA.V. Edinstvo very i znaniya kak bazovyi gnoseologicheskiy printsip russkoi religioznoi filosofii [The Unity of Faith and Knowledge as the Basic Epistemological Principle of Russian Religious Philosophy] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. No 1. 2010. Pp. 19–23.
2. Zen'kovskii V.V. Istoriya russkoi filosofii [History of Russian Philosophy]. M.: Akademicheskii proekt, 2001. 880 p.
3. Pesotskii V.A. Khudozhestvennaya literatura kak sotsial'noe yavlenie i predmet filosofskogo analiza: monografiya [Literature as a Social Phenomenon and a Subject of Philosophical Analysis: Monograph]. M.: Izd-vo MГОU, 2009. 403 p.
4. Semaeva I.I. Energiya tvorchestva kak filosofskaya problema [The Energy of Creativity as a Philosophical Problem] // Gumanitarnyi vestnik. No 12. Балашиха: ВТУ, 2009. Pp. 23-31.
5. Semaeva I.I. Poisk identichnosti: Russkaya religioznaya filosofiya XX veka i ee dukhovnye osnovaniya: monografiya [The Search for Identity: Russian Religious Philosophy of the 20th Century and Its Spiritual Foundations: a Monograph]. M.: Izd-vo MГОU, 2012. 220 p.
6. Tolstoy L.N. Otpadenie moe ot very (iz knigi «Ispoved'») [My Break with Faith (from the Book "the Confession")] // Tolstoy L.N. Russkii mir [Tolstoy L.N. The Russian World]. M., 2012. Pp. 82–140.
7. Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochinenii v 90 tt. [Complete works in 90 volumes] M.: Khudozhestvennaya literatura, 1928-1959. Seriya pervaya: Proizvedeniya [Series One: The Works] V. 23. 476 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батурина Ирина Владимировна - кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского технологического института;
e-mail: BaturinVK@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Vladimirovna Baturina – PhD. in Philosophy, Assistant Professor of Social and Humanitarian Sciences Department of Moscow Technological Institute;
e-mail: BaturinVK@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Батурина И.В. Философия творчества Л.Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С.102-109
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-102-109

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Baturina LEO TOLSTOY'S PHILOSOPHY OF CREATIVITY // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 2. pp. 102-109
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-102-109